

Интервью с Эльжбетой Корольчук ¹

«У НАС ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ, НО Я ДУМАЮ, ЧТО ОСНОВНАЯ БИТВА ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ»: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФЕМИНИЗМ В ПОЛЬШЕ

Интервьюер_ки – Бен Коуп и Наталья Павлович

Эльжбета Корольчук, PhD – исследовательница Школы культуры и образования университета Содернторна, преподает в Центре гендерных исследований Варшавского университета

Б.К. Как Вы пришли в гендерные исследования?

Э.К. Коротко ответ звучал бы так: случайно. Я родом из Белостока. Когда я приехала в Варшаву в начале 1990-х гг., чтобы изучать психологию в Варшавском университете, на моем факультете гендер как бы не существовал. И только когда я начала обучение на второй магистерской программе по американским культурным исследованиям в Центре американских исследований, я встретила таких людей, как Агнешка Графф (один из ее текстов также включен в данный выпуск «Перекрёстков». – *Прим. ред.*), Томаш Басюк, Кристина Мазур. Главным образом это и были люди, которые познакомили меня с гендерными исследованиями, квир-исследованиями и всем новым спектром идей, текстов и теорий. В то же время, в 2001 г., я стала участвовать в варшавской Манифе – феминистских манифестациях, которые организуются Союзом женщин «8 марта». Меня пригласила Агнешка Графф – одна из основательниц этой инициативы. Мне кажется, что такая история очень характерна для Польши: люди вовлечены как в академическую жизнь, так и в активизм. Но поскольку я из семьи, принадлежащей к рабочему классу, я на самом деле сначала не думала об окончании аспирантуры либо об

¹ Перевод с английского Натальи Павлович, редакция перевода Елены Минчени.

академической карьере. Агнешка Графф была тем человеком, которая сказала: «Почему бы тебе не сделать это? У тебя есть потенциал». В итоге я училась в аспирантуре в Школе социальных исследований в Польской академии наук, где мне довелось познакомиться с несколькими серьезными учеными, такими как Анна Титков, которая и стала моей научной руководительницей, профессорка Регульска, профессорка Фушара. Они принадлежали к первому поколению гендерных исследовательниц, которые занимали хорошие позиции в польской академии, и не потому, что являлись гендерными исследовательницами, а потому, что сделали свои карьеры и после занялись продвижением гендерных исследований. Я защитила кандидатскую диссертацию и начала работать в Швеции в университете Содернторна по постдокторантской программе. И осталась там. Но моя ситуация особенная: я только некоторое время провожу в Швеции. Я участвую в международном проекте, посвященном Польше, и могу большую часть времени находиться в Польше и приезжать в Швецию время от времени. Такая организация работы позволяет мне вести курсы в Центре гендерных исследований при Варшавском университете и быть вовлеченной в феминистское движение в Польше, несмотря на то что в академическом плане я аффилирована в Швеции. Это моя личная история.

– Не могли бы Вы рассказать подробнее об институционализации гендерных исследований в академии в Польше?

– Первым в Польше стал Центр женских исследований (Ośrodek Naukowo-Badawczy Problematyki Kobiet) в университете Лодзи, которым до сих пор руководит профессорка Эльжбета Олексы. Следующим университетом, в котором центр появился практически сразу после Лодзи, был Варшавский университет. Сейчас существуют центры гендерных исследований и гендерные исследования как постдипломные курсы, по-моему, в пяти или шести университетах: в Ягеллонском университете в Кракове, но также в Гданьске, Познани, Вроцлаве и Торуне. Поначалу стоял вопрос финансирования. Например, программа в Лодзи является частью международной магистерской программы по гендерным исследованиям, осуществляемой в рамках сотрудничества между пятью европейскими университетами и американским университетом Ратгерс. Поэтому там присутствует финансовая поддержка.

На первом этапе в гендерных исследованиях главным образом уделялось внимание американскому феминизму второй волны, а то, что происходило в других странах региона, освещалось недостаточно. Мне кажется, что сейчас эта ситуация меняется. Но все-таки есть интересная тенденция: у нас имеется намного больше связей с нашими донорами, менторами, людьми с Запада (как бы этот «Запад» ни определялся), чем с людьми из региона. Этот феномен, я думаю, в первую очередь является результатом финансирования, которое направляется в конкретные области и страны, но при этом нет средств на кооперацию

между странами. Точнее, деньги скорее выделяются на кооперацию между так называемым донором из западного университета и тем, кто занимается гендерными исследованиями в регионе. Также это вопрос производства знания: только в последнее время появился интерес к нашей собственной истории – истории женщин в период социализма, эмансипации, которая стала возможной благодаря социалистическому государству и т.д. Первоначально же задача виделась в том, чтобы избавиться от негативных последствий социализма, в развитии иного образа женщины, ее идентичности и т.д. И это было связано как с финансированием, так и с идеологией.

– Не могли бы Вы рассказать, какое место гендерные исследования занимают в польской академии, на каких уровнях они представлены?

– Главным образом это платные курсы в рамках последипломного образования. И я думаю, что это большая ошибка, которая была совершена с самого начала. Конечно, это спорный вопрос: должны ли мы быть мейнстримом, представляя элементы гендерных исследований, женских исследований, квир-исследований, мужских исследований в рамках обычного учебного плана, чтобы они были включены, пусть фрагментарно, но повсеместно? Или же должны существовать гендерные исследования как отдельная дисциплина? Последнее означает и другую форму институционализации: гендерные исследования существуют как отдельные центры или учебные курсы. И я думаю, что второе решение победило. Но при этом имеющихся средств было недостаточно, а также недостаточно давления и власти у гендерных исследователь_ниц и феминистского движения, чтобы действительно сделать гендерные исследования частью академии. Получилось, что гендерные исследования могут существовать, пока есть финансирование, поэтому должны быть студенты, которые будут платить за это образование. Такая ситуация практически у каждого факультета или центра гендерных исследований в Польше.

– Но это характерно для всех магистерских программ, не только для гендерных исследований?

– Нет. Дело также в положении гендерных исследований как дисциплины. Проблема состоит в том, что они никогда не были интегрированы в университетскую систему, например, в виде бакалаврской программы по гендерным исследованиям. Намного легче оказалось представить гендерные исследования как программу последипломного образования. Это было удобно и для университетов, так как они не должны были выделять большое количество дополнительных средств.

По этой же причине у программ по гендерным исследованиям часто нет возможности иметь постоянный штат преподаватель_ниц. Поэтому последние должны искать способы, чтобы оставаться в академии. Вам очень повезло, если

вы имеете возможность заниматься только гендерными исследованиями. В основном люди работают в других сферах: являются юристами, социологами, психологами, занимаются исследованиями литературы и т.д. В этом смысле гендерные исследования никогда не будут твоей основной дисциплиной.

– Как проводятся исследования? Связаны ли они с центрами гендерных исследований или осуществляются индивидуально?

– Обычно исследования реализуются индивидуально. Но это выглядит по-разному. Например, Институт женских исследований в Лодзи предоставляет гранты на исследования, а вот Центр гендерных исследований в Варшавском университете по сути не функционирует как центр. Центр – это просто люди, работающие в рамках краткосрочных контрактов и преподающие определенные курсы в течение семестра, даже не встречаясь друг с другом, что, честно говоря, достаточно грустно. Мы связаны друг с другом в определенном смысле как гендерные исследовательницы, но у нас нет групповой идентичности и сильного влияния как группы. Но, конечно, есть и другие варианты: например, в Институте этнологии и культурной антропологии при Варшавском университете курс по гендеру включен в перечень основных курсов для всех студентов. И это то, что я бы назвала эффективным мейнстримингом. Конечно, это стало результатом работы молодых исследовательниц, которые боролись за это.

Однако с сегодняшней мобилизацией противников гендера становится еще сложнее иметь твердую позицию в рамках академии и бороться за то, чтобы гендерные исследования стали мейнстримом. И в этом случае, может быть, хорошо, что мы зависим только от студенток: пока есть студентки, которые платят нам, университет не может избавиться от нас. Вместе с тем это делает нас очень слабыми, потому что у нас нет никакого влияния на то, как университет функционирует вообще. И тогда вопрос состоит в следующем: имеют ли какое-либо влияние гендерные исследования в ситуации, когда мы преподаем их для 15–20 человек на курсе? Учитывая тысячи студентов, которые посещают университетские курсы, даже в той же Варшаве, каждый год. Давайте будем честными: если имеется какое-либо влияние, то оно ограничено.

– Можем ли мы говорить об определенных изменениях в ситуации с гендерными исследованиями, о каком-либо развитии за то время, которое Вы к ним причастны?

– Я бы сказала, что мы (я предполагаю, что есть это «мы») ожидали стабильного развития: что мы начнем с центра гендерных исследований, а после гендерные исследования станут просто частью академии. Это был период энтузиазма в 1990-х гг. И, конечно, этого не произошло. Вторая волна энтузиазма наблюдалась в связи с вступлением в ЕС, когда казалось, что наконец-то у нас будет поддержка европейских институций, когда появилась надежда, что гендерные

исследования как обучающий проект будут развиваться, потому что государственным институтам будут нужны люди, которые знают, что такое гендерные исследования и чем гендерный мейнстриминг на самом деле является.

И, действительно, был момент, когда программа гендерного мейнстриминга, разработанная Центром гендерных исследований, должна была быть представлена в Польской Академии наук. Также была идея открыть двухлетнюю программу для людей, которые работают в рамках европейских проектов. Но из-за недостатка желающих заниматься по этим программам от них пришлось отказаться. Этот пример показывает, что наши усилия стать мейнстримом оказались напрасными. Политики, чиновники представляют и реализовывают то, о чем говорят в Европейском союзе – директивы, программы, но не чувствуют, что нуждаются в каких бы то ни было знаниях о гендере. Это был момент, когда многие коллеги поняли, что прогресса не произойдет.

Я думаю, что на протяжении двух-трех последних лет мы находимся в состоянии неопределенности по причине политически неблагоприятной ситуации. Существуют островки, если можно так сказать, поддержки, но в основном все зависит от конкретных людей. Если бы Малгожата Фушара не была заместительницей директора Института², возможно, гендерные исследования не существовали бы сейчас. В этом смысле мы не знаем, что нас ждет в будущем. К сожалению, мы очень мало можем сделать сами, многое зависит от более значительных процессов. Я очень надеюсь, что мы это переживем. И это даже не вопрос существования гендерных центров и факультетов, а вопрос, как мы можем использовать наши знания, как они могут быть полезны для политического движения, для социального движения, как мы на самом деле можем применить их в публичной сфере.

– Вы упомянули о том, что Вы начинали в период популярности исследований феминизма второй волны. Сейчас уже другие темы становятся актуальными. Расскажите об этих изменениях в темах, над которыми работают студент_ки, молодые исследователь_ницы.

– Да, я думаю, вначале темы были главным образом вокруг истории феминистской мысли, очень западноцентричной, я бы сказала. Сейчас эти темы намного более разнообразны, и большой интерес вызывает то, что происходит в регионе. Например, если я веду курс, посвященный женскому движению, конечно, я упоминаю о развитии феминистского движения в Соединенных Штатах, но также я упоминаю о Никарагуа, Венгрии, России. В этом смысле поднимаемые вопросы более диверсифицированы. И это один момент.

Второй момент состоит в том, что в настоящее время намного больше внимания посвящается нашей собственной истории. Есть ряд исследователь_ниц,

² Имеется в виду Институт прикладных общественных наук ВУ. – *Прим. ред.*

которые изучают положение женщин при социализме в рамках женских исследований, исследований социальных движений, социологии повседневности и т.д. Существует ряд исследований или курсов, которые касаются проблем европеизации.

– Следующая серия вопросов связана с академией, активизмом и политикой. И я бы хотел начать с академии. Гендерные исследования привносят критическое отношение к тому, как организована академия, обращая внимание на систему распределения власти, нормализацию определенного типа знания. Но в то же время мы знаем, что академия является местом, где зарождается подозрение в отношении гендерных исследований. В какой мере в Польше, в Варшаве, возможно преодолеть подозрения в отношении гендерных исследований внутри академии?

– Мне кажется, все относительно. Есть такие примеры, как юридический факультет, где практически невозможно представить феминистскую критику, хотя вместе с тем у них есть прекрасные ученые, как, например, Моника Платэк или Малгожата Фушара, которые являются юристками по образованию и которые достаточно хорошо известны в польской политической и публичной сферах. Таким образом, существуют сферы, где действительно сложно. Другой такой пример – экономика. Я думаю, над этой ситуацией стоит работать вместе с критической социологией, антропологией или этнологией. Это только в некотором смысле проблема гендерных исследований и, может быть, даже в большей степени это вопрос существования рефлексивной и критичной науки. Молодое поколение исследователь_ниц, которым сейчас около 30–40, критично в отношении властных структур. Но в то же время старые структуры необычайно сложно сдвинуть. И, к сожалению, процесс неолиберализации академии мешает нашим усилиям, поскольку академия в большей степени занимается производством студенто_к, в ней нет места для саморефлексии и критических рассуждений о влиянии, которое образование оказывает на общество. Я боюсь, что в этом плане неолиберализация и консервативный тренд идут рука об руку, усиливая друг друга во многих отношениях. У нас есть определенные достижения, но я думаю, что основная битва все еще впереди.

– Тема борьбы приводит нас к вопросу об активизме. Каковы отношения гендерных исследований и активизма?

– Это достаточно интересно, потому что во многих странах – я наблюдала это в Швеции – нет какой-то сильной связи между академией и активизмом. И это обратная сторона гендерного мейнстриминга: люди могут заниматься исследованием семьи или гендерными исследованиями и не видеть какой бы то ни было нужды в социальном активизме. В каком-то смысле это последствия ситуации, когда гендерные исследования и феминизм являются нормализованными. Я бы

сказала, что в Польше ситуация сильно отличается. У нас очень сильная связь между академией и активизмом. С одной стороны, это ученые, которые принимают участие в феминистском движении. Я думаю, Союз женщин «8 марта» является хорошим примером. Он был образован главным образом молодыми женщинами из академии, к которым подключились и активистки.

– И это до сих пор актуально? Союз женщин «8 марта» представлен молодым поколением?

– Да, те люди, которые занимаются организацией Манифы сегодня, не всегда являются учеными, а, например, представляют анархистское движение. Но в целом это хорошо образованные женщины, которые чувствуют, что они должны быть вовлечены в науку и активизм. И вопрос также в том, как использовать свои знания. Например, в настоящее время я как экспертка и одновременно как участница состою в Ассоциации «Для наших детей», которая является союзом матерей-одиночек, борющихся за выплаты алиментов. Это не феминистская организация, но она постепенно ею становится. Ее повестка чрезвычайно важная, хотя она и не является моей личной проблемой, я участвую в ней в качестве феминистской исследовательницы и активистки. Вопрос состоит в том, какие силы мы хотим поддерживать. И это один из побуждающих к действию моментов для тех, кто хочет пересекать границы между академией и феминизмом, тех, кто обладает знаниями и кто может стать поддержкой для инициатив или организаций, которые не обязательно являются феминистскими по определению, но борются за изменения, которые таковыми являются. В какой степени мы можем использовать наши знания для помощи этим группам, которые обычно не являются привилегированными группами в экономическом отношении и в плане обладания социальным капиталом? И в какой степени мы можем открыть границы феминистского активизма как такового?

– В настоящее время общая атмосфера весьма депрессивна: консервативные ценности усиливаются не только в Польше, но и в других странах. Звучат обвинения в сторону феминизма в том, что ему чужды проблемы «реальных» людей. Это влечет за собой абсолютно депрессивный, патриархатный откат. Согласны ли Вы, что Польша столкнулась с такой же проблемой: спорами о том, что является реальным, а что им не является? Думаете ли Вы, что в связи с этим у феминистского активизма появляются какие-то новые обязательства?

– Я думаю, что это действительно очень важный момент. Протесты прошлого года³ часто рассматривались как что-то одномоментное. И мне было очень ин-

³ Речь идет о протестах против законопроекта, полностью запрещающего аборт, также известных и называемых ниже «Черными протестами». – *Прим. ред.*

интересно, как пройдет в этом году 8 марта Международный женский протест. И все сложилось очень хорошо: была массовая мобилизация, которая объединила много городов, много разных групп было включено в организацию. Я думаю, что-то действительно происходит, что-то очень реальное. В том смысле, что женщины пересекают черту между наблюдательницами и участницами политической жизни. И это действительно вызов, особенно учитывая настоящую враждебную атмосферу, когда активистки, как правило, из небольших населенных пунктов, становятся объектами атак. Это один из способов борьбы с политикой страха. Это один из способов показать, что мы так просто не уступим, мы не будем просто делать то, что нам скажут.

Но для феминистского движения, я думаю, это достаточно критический момент. По моему мнению, особенно важно, чтобы феминистское движение и гендерные исследовательницы предложили свои знания и ресурсы. При этом важно не навязывать те или иные представления о «правильном женском движении». Существующее протестное движение должно чувствовать поддержку, а не принуждение следовать неким определениям феминизма. Это очень хороший момент, когда мы имеем очень сильное и многообразное женское движение: с одной стороны, присутствует авангард с анархистской, немного левой Манифой, также заметен Конгресс женщин, который лучше организован и представляет либеральный феминизм. Есть массовая мобилизация, и часть этих людей не связана ни с какими группами вообще. И вопрос в том, в каком направлении это пойдет.

– В какой степени это новое движение соотносится с НГО, ассоциациями и фондами и в какой степени оно подвержено атакам, которые сейчас имеют место в отношении НГО? В какой степени это создает трудности для массового движения или, наоборот, раскрывает новый потенциал?

– Это очень интересный вопрос. Я занимаюсь исследованием гражданского общества, и, частично, описанные настроения появляются в ответ на процесс НГО-изации. Эта связь ясно артикулирована, например, в родительском движении в России. Это движение является интересным примером, потому что пытаются по-новому представить идею гражданского общества. Они заявляют, что настоящее гражданское общество должно быть прозрачным и локальным, а не финансироваться из международных источников и должно представлять традиционные, патриархальные ценности.

Но дело в том, что похожая критика, хотя и основывающаяся на других основаниях, озвучивается и некоторыми участницами «черных протестов», которые говорят, что не хотят иметь ничего общего с женскими организациями и НГО, потому что те ничего для них не делают, а просто занимаются своими проектами и получают какие-то гранты. Но что за этим стоит? Интересно наблюдать такого типа разделение, и интересный вопрос, будет ли это движение институ-

ционализировано, и если да, то в виде каких структур. И я думаю, что такого рода критика в отношении НГО-изации, действительно, может стать хорошим уроком для феминизма или той части женского движения, которая на протяжении длительного времени верила, что НГО являются единственным способом решения социальных проблем. В этом смысле, я думаю, чрезвычайно важно экспериментировать с новыми способами организации людей, которые будут не-иерархичными и более демократичными в способах своего функционирования, намного более открытыми для широкой публики, которые откажутся от модели харизматичного лидера, будут небольшими и будут работать для людей, а не с людьми. Например, «Акция демократия» (Akcja demokracja), в которой я также принимаю участие, является открытой платформой, функционирующей по типу «Avaaz» или «Move on». Суть состоит в том, чтобы на начальном этапе собрать онлайн как можно большее количество людей вокруг определенной идеи, а после переместиться оффлайн, для того чтобы дать людям понять, что решение проблем в их руках, что это движение принадлежит им. В этом и состоял основной успех «Черных протестов»: многие люди почувствовали, что это то, что они могут делать, чтобы что-то изменить. Это действительно подходящий момент, чтобы обратиться к новым формам организации.

– Слушая Вас, я думаю о связи гендерных исследований и политики. Как Вы видите эту связь, исходя из своего опыта?

– Я бы сказала, что эта связь существует и она очень сильная, потому что, например, если вы посмотрите на то (и это было хорошо заметно во время вхождения в Европейский союз и после), кто является авторами большинства отчетов, посвященных политике, или обзоров ситуации в Польше, то в основном это люди, которые занимаются гендерными исследованиями, потому что именно они являются эксперт_ками. Но вопрос состоит в том, какого рода воздействие на политическую жизнь мы можем оказать. Например, уполномоченная правительства по вопросам гендерного равенства Малгожата Фушара обладала огромными знаниями, была прекрасной эксперткой, но она не имела политического влияния внутри кабинета, а также финансирования, чтобы сделать что-то и влиять на администрацию. В этом плане производство знания, которое впоследствии может быть использовано в политических процессах, может иметь огромное значение. Проблема состоит в том, что пока эти знания не используются в политических процессах. Процесс принятия законов в Польше не открыт для внешних влияний. Когда вы обсуждаете законопроект в рамках комиссии, вам необходимо иметь поддержку ключевых социальных акторов. Но в законе не указано, что вы должны ее получить. Поэтому, чтобы повлиять на обсуждение, обычно приходится использовать какие-то закулисные игры и личные связи. Если у вас есть личные связи, то есть шанс, что те знания, которые вы имеете, будут представлены. Но это очень сложно.

В то же время, например, дискурс об абортах не изменился бы без гендерных исследователь_ниц и активисто_к, которые предлагают альтернативные способы интерпретации аборт (аборт не как вопрос моральности, а как социальная или экономическая проблема) или рассказывают о ситуациях нелегальных абортов. Это определенный тип дискурса, знаний, интерпретация темы абортов. Все это потом может быть использовано в СМИ. В этом состоит чрезвычайная политическая значимость того, что мы делаем.

– Можно ли сказать, что за последние полтора года, когда «Право и справедливость» (ПиС) находится у власти, происходил процесс радикального ослабления влияния академической экспертизы и гендерных исследований на политическом уровне?

– Именно так. Мы встречались с прошлым уполномоченным представителем по гендерному равенству (вы знаете, что сейчас это одна позиция уполномоченного правительства по вопросам гендерного равенства и гражданского общества). Первым министром на этой должности был Пётр Кравчык, и мы с ним встречались. Вместе с «Акция демократия» и фондом «Феминотека» у нас был проект, касающийся изменения закона о сексуальном домогательстве. В настоящее время в польском праве определение сексуального домогательства ограничено отношениями на рабочем месте и не включает ситуации домогательства на улице, в школе или университете. Мы провели с Кравчыком полтора часа, в течение которых он главным образом оспаривал методологию исследований, которые мы ему представляли. Эти исследования были основаны на хорошей социологической методологии, несмотря на то что у нас не было средств для того, чтобы проводить качественные количественные исследования во всей стране. Но в отношении трех изученных воеводств не к чему было придраться. Он же сказал, что исследование, может, и хорошее, но вы не провели его во всей стране, из-за чего у нас нет полной картины. Мы спросили: «Вы дадите нам на это деньги?» На что он ответил: «М-м-м-, нет, мы не можем этого сделать». И он на самом деле был хорошим парнем, так как вообще согласился говорить с нами. Новый представитель, Липиньски, на протяжении всей своей карьеры пытался зарубить на корню любые законы, касающиеся гендерного равенства, которые поступали в парламент. Таким образом, вы можете представить, как счастлив он был стать уполномоченным правительства и как он хочет разговаривать с нами.

– Это означает, что необходимы новые способы и новые подходы?

– Мы должны сосредоточиться на локальном уровне. Мы должны идти в регионы, потому что на национальном уровне единственное, что мы можем сделать, это отменить ужасный закон, предполагающий полный запрет абортов. На локальном уровне мы можем работать с отдельными муниципалитетами или воеводствами, а также с заинтересованными людьми. В определенном смысле это

также возможность, потому что, поскольку ПиС ненавидит нас, люди, которые ненавидят ПиС, начинают любить нас. То же самое касается СМИ. Неожиданно либеральные журналисты, которые на самом деле не имеют представления о феминизме, женских исследованиях, гендере, абортах, вдруг начали представлять женское движение как основное оружие против ПиС. И конечно, они хотят, чтобы мы разгромили ПиС, а они потом вежливо сказали: «Идите, занимайтесь своими обычными делами, оставьте это место для нас».

– Еще несколько вопросов, и один из них – вопрос о солидарности. Рассуждая и в локальных, и в национальных терминах, вначале гендерные исследования находились в меньшинстве, ограничиваясь маленькой группой исследователь_ниц. Но когда присутствует сильное давление и когда имеет место конкуренция за ресурсы, это может быть достаточно сложной ситуацией. Может, Вы могли бы немного подробнее рассказать, как Вы видите солидарность внутри гендерных исследований?

– Понятие солидарности присутствует внутри женского движения, хотя она понимается и практикуется достаточно ограниченно. На национальном уровне она, возможно, более выражена, но на межнациональном уровне сложнее, что частично является результатом политики финансовой поддержки. Еще совсем недавно было несколько достаточно интересных инициатив, которые занимались развитием сетей поддержки и солидарности в регионе. Например, фонд Генриха Бёлля организовал серию семинаров и встреч по проблеме антигендерной мобилизации, которые собрали людей из Польши, Венгрии, Словакии, Армении, Грузии, России и т.д. Для меня это, действительно, была отличная возможность установить связь с людьми, иметь возможность и попытаться построить совместные планы. Другая очень интересная инициатива была организована опять же немецким фондом Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung). Ими была создана сеть, в рамках которой мы смогли организовать сотрудничество медсестер Польши, Венгрии и Словакии. Надеюсь, это станет крепким партнерством. Мы поняли, что в этой сфере одинаковые вопросы существуют в разных странах, и у нас появилась идея сделать информационный сайт или собрать этих медсестер вместе, чтобы создать своего рода солидарность, которая бы преодолевала границы, помогала обмениваться практиками и знаниями и влиять на законодательство. Но в рамках гендерных исследований мы намного больше связаны благодаря участию в международных проектах или посредством конференций, но обмен на повседневной основе отсутствует. И для этого нет ресурсов.

– Если Вы посмотрите назад, на историю развития гендерных исследований в Польше, то какие успехи и трудности можно отметить, что могло бы быть сделано по-другому? И каков потенциал для будущего развития?

– Я думаю, что главной ошибкой было то, что мы не вошли в состав академических структур. На мой взгляд, нет никакой нужды винить в этом гендерных исследователь_ниц, потому что сама ситуация была сложная. Но это и наше поражение. Отдаленность и обособленность гендерных исследовател_ниц или гендерных исследований от других дисциплин – это огромная проблема. И мы действительно должны работать над этим. Можно, например, сказать своему другу-социологу с левыми взглядами: «Ты не можешь говорить о национализме и не упомянуть гендер, потому что это является плохой наукой». И здесь дело не в солидарности, не в том, что надо быть милой с коллегой, а в том, что это просто плохая наука. Это все еще борьба, и я думаю, что она будет долго продолжаться.

Перед нами стоят структурные проблемы, которые чрезвычайно опасны. Одна из них – неолиберализация академии. Если мы будем продолжать идти в этом направлении – и здесь речь не только о гендерных исследованиях, а о любых исследованиях, – мы превратимся в людей, круглосуточно занимающихся преподаванием. Нам следует понимать, что мы все вместе находимся в этой ситуации. Поэтому степень нашего сопротивления этому развитию будет оказывать сильное влияние не только на гендерные исследования, но и на академию как таковую.

– Над каким исследованием Вы в настоящее время работаете?

– Я должна была бы работать над проектом, который касается гендерной культуры знания и политических процессов. Но поскольку так много событий происходит в настоящее время, столько всего интересного, я заканчиваю издание книг о родительском движении и гражданском обществе в Польше и пишу о «Черном протесте». Я должна закончить сбор интервью в рамках исследования, которое как раз связано с обсуждаемыми нами здесь вопросами: что представляет собой культура знания в этом конкретном контексте, как она связана с политическим процессом, как и кем производится знание, кого можно назвать экспертом, кто имеет доступ к публичной сфере. Я думаю, что сегодняшняя волна «антигендеризма» не должна интерпретироваться как непонимание того, чем гендер является на самом деле. Я не согласна с этим мнением. Я думаю, что за ней стоит стремление противостоять социальному конструктивизму и всей традиции развития знания, которые уходят своими корнями как к Марксу, так и к Фрейдю. План польских консервативных сил состоит в том, чтобы изменить основные компоненты социальной науки. Я думаю, что они, действительно, хотят навредить нам, и мы должны делать все возможное, чтобы довести до сведения как можно более широкой общественности важность того, что мы делаем, и также использовать политические механизмы, чтобы противостоять этому тренду.

– Вы понимаете антигендерное движение как академическое явление, не только политическое?

– Да. Мы занимаемся этим исследованием с Агнешкой Графф, и мы обе верим, что это процесс возникновения антигендерных исследований. Они действительно пытаются представить идею естественного закона, традиционной семьи как отражение нового универсализма. Конечно, мы понимаем, что это совершенно не новое явление. Но оно откликается в людях потому, что перекликается с оппозицией в отношении новых форм семейной жизни, новых форм сексуальности, вместе с критикой глобализации и доминирования международных корпораций.

В Польше есть примеры таких консервативных людей. Это, например, профессор и священник Око. У них, с одной стороны, есть безопасное пространство для развития их идей (например, университет кардинала Вышиньского). В то же время они часто проникают в Варшавский университет. Как раз сегодня должен был быть протест (его отменили) в связи с тем, что «Ордо Юрис»⁴ организовывал встречу в Варшавском университете. Они проводят главным образом мероприятия, направленные на отрицание наличия права выбора у женщины прервать беременность. Они пригласили женщину из Соединенных Штатов, которая была рождена в результате изнасилования ее матери и которая выступает за права плода, который появился в результате изнасилования. Главным образом протестная мобилизация была организована «Заангажированным университетом», который уже был задействован в противодействии такого рода ситуациям.

13 марта 2017 г.
Варшава

⁴ Ordo Iuris – Институт правовой культуры – консервативный think tank, занимающийся защитой семей, которые подвергаются нападкам из-за своей приверженности традиционным ценностям. – *Прим. ред.*